

Василий ШИРЯЕВ

МАЙКОПСКИЕ ОТВЕТЫ НА КАМЧАТСКИЕ ВОПРОСЫ

Диалог-портрет

Лауреат премии для критиков «Неистовый Виссарион» в номинации «За творческую дерзость» Кирилл Анкудинов живет в Майкопе. Другой лауреат «Неистового Виссариона» Василий Ширяев — на Камчатке. Это не мешает им следить за творчеством друг друга и вступать в диалог. Сегодня вопросы задает Василий Ширяев, а отвечает — Кирилл Анкудинов.

— **Каковы, на ваш взгляд, перспективы книжной культуры?**

— А что с ней может случиться? Театр живет и процветает, хотя некоторые функции театра XIX века сегодня успешнее исполняют кино и ТВ. То же самое — с книжной культурой. Представить большой роман в интернете трудно. Вообразить, что не будут писаться большие романы, еще труднее. Книги останутся с нами.

— **Какие книги (кино, музыка) вас сформировали?**

— Если кино, то советское кино 1970-х — первой половины 1980-х. Если музыка, то советские ВИА. Их я люблю больше, чем русский рок. Обожаю Высоцкого с Окуджавой. В детстве слушал их на нашем магнитофоне каждый день. Я же сын шестидесятников.

С книгами — совсем интересно. Я очень много читал в отрочестве. Любил научно-популярную литературу по логике, лингвистике, философии, математике, астрономии, даже по физике с химией. Одним словом, любил Логос. Самые мои родные книги — «Лингвистические парадоксы» Одинцова и сборник фантастики о геометрии и числах «Трудная задача». Я собирал материалы о шаровой молнии. Книжицу И. М. Имянитова и Д. Я. Тихого «За гранью законов науки» зачитал так, что она рассыпалась. Англосаксонскую литературу я любил гораздо больше, чем французскую. «Три мушкетера» Александра Дюма показались мне ужасно нудной и архаичной книгой. Памела Трэверс, Эдгар По, Конан Дойл, Уэллс, Льюис Кэрролл, Агата Кристи, Джеральд Даррелл, Сетон-Томпсон — это родина моего сердца. Потом я влюбился не только в художественные произведения, но и в философские труды Честертона. Затем в детективщика Джона Диксона Карра. Кроме того, я с детства зачитывался фольклорно-мифологической литературой.

Сербский эпос, древнегреческие мифы, сказания об индийском мудреце Бирбале, а особенно — «Сказки и мифы Океании».

Друзья родителей подарили мне, семилетнему, этот том с дарственной надписью «Кирилке-мудрилке». Вот это мое. Большую роль сыграло то, что у меня в детстве была настоящая деревенская сибирская бабушка, рассказывавшая сказки и певшая песни. Так что я знаю, что такое фольклор и как он устроен. Фольклор — это не совсем то, каким он представляется людям, знакомым с ним только по книгам, фильмам, компьютерным играм и рок-балладам. Это не обряды, это навсегда застывшая бывшая современность и эксцентрика. Моя любимая из песен бабушки Нади — «Пошел купаться Веверлей». На самом деле в ней поется о генерале Уэверли. Где Сибирь, а где генерал Уэверли?

От старшего двоюродного брата Ивана из Сибири я нахватался «под-росткового фольклора» (эксцентрического — про «красавицу Марину без ушей» и сентиментального — про льва с львицей), а от дворовой ребятни — «детского фольклора». Последний включал в себя жизнерадостную балладу «Убийство на улице Морг» с дивной концовкой — «обезьяну нашли, вылечили и расстреляли».

— Не входят ли у вас в клинч мировоззрение с мирочувствованием и миропониманием?

— Мировоззрение формируется достаточно долго. Зато уже в раннем детстве у меня были теперешние мирочувствование и миропонимание. В эмоциональном плане человек не меняется примерно с возраста трех лет. Потом он лишь достраивает себя сверху.

Я — человек не агрессивный и не злобный. Но мое миропонимание эксцентричное, гротесковое и конфликтоцентричное. В мире вне себя я вижу одни конфликты. В первую очередь конфликты между разными языками. Например, между языком природы и языком человека. Или между языками людей разных общественных устройств. Когда одно естественное и законное сталкивается с другим естественным и законным, в итоге получается смешно или трагично. В четыре года я думал об этом, как умел. А в младшем школьном возрасте сочинял истории про ученых, ставивших мир на уши своими опытами.

Главное — выработать мировоззрение, гармонирующее с мирочувствованием и миропониманием. У меня это, кажется, получилось. Я вижу, что мир конфликтен, и мне это приятно. Вовсе не потому, что лезу в конфликты, а потому, что люблю думать и писать о конфликтах. Я люблю познавать чужие языки и сталкивать их.

— Не пересекается ли это с такой извечной забавой интеллигенции, как «портить язык», чтоб другие не поняли?

— Я не люблю портить языки. Напротив, стремлюсь цитировать все «чужие слова» как можно точно. Это «кайф юриста»: с дословной точностью привести одно показание, потом другое, чтобы показать, что они не стыкуются...

— Расскажите о вашем конфликте с Кузьминым.

— Конфликта как такового нет. Есть несовместимость культурных установок. Наши интеллигенты делятся на эсеров (народников) и эсдеков

(бешеных западников-технократов). Я — эсер, а Кузьмин — эсдек; для меня эсдеки — как инопланетяне. Поэтому на Кузьмина я гляжу так, как в двадцатые годы прошлого века нормальный русский писатель (вроде Пришвина) глядел на Леопольда Авербаха: недоумевая, как такое вообще возможно на Руси.

Надо сказать, что я был делегатом легендарного первого Всесоюзного фестиваля молодых поэтов (на основе неформального Товарищества молодых литераторов «Вавилон»), состоявшегося перед самой кончиной СССР в ноябре 1991 года. Я приехал в Москву из Майкопа, и это были два культурных поля из разных вселенных. Я не понимал значительную часть стихов, читавшихся со сцены. Зато на свободной дискуссии «отжег», как иногда умею. Потом я недоумевал, бывая у Димы Кузьмина в гостях и переписываясь с ним. Сейчас недоумение ушло — Дима пожинает то, что сеял три с половиной десятилетия, феминистки его едят с кашей. И поделом.

Еще один любопытный нюанс: сейчас Дима Кузьмин живет в Латвии в 20 км от места, где я в 1988—1989 годах служил срочную службу в Советской армии. Может, мы и впрямь как-то связаны?

— **Кирилл Николаевич, поясните для современной молодежи, кто такой Дима Кузьмин и чем так важен «Вавилон»?**

— Дмитрий Кузьмин — литературный деятель моего поколения и неплохой поэт. Правда, в этом качестве его уже никто не помнит. Внук знаменитой переводчицы Норы Галь. Человек очень волевой и умный, но переполненный качеством, которым Куприн припечатал Троцкого, — гневной брезгливостью. С таким характером не рекомендуется руководить русской поэзией. Даже если Дима Кузьмин окажется среди победителей, он все равно проиграет в итоге. «Вавилон» — это проект Кузьмина, литературное сообщество и одноименный альманах 1990-х годов, позже трансформировавшийся в журнал поэзии «Воздух». Влияние на определенный сегмент российской литературы этот проект оказывал и продолжает оказывать, но оно не глубже и не лучше, чем влияние РАППа на советскую литературу. Это петиметрство* в духе некоторых персонажей Фонвизина. Такие штуки скоро кончаются (даже если они агрессивны и заточены на экспансию).

— **Критика: судьба и определение?**

— Сначала я писал стихи. Они были как красивые закрытые коробочки, которые далеко не все люди хотят открыть. Выходило так, что мои стихи только для меня. Тогда я решил общаться с людьми при помощи их текстов и моих мнений об этом. Я стал обозревать литературные журналы, чтобы делать не то, что мне хочется (фабриковать красивые закрытые коробочки), а то, что мне поставляет мир. Ведь я не мог предвидеть материал очередного журнального номера. Я натаскивал себя на то, чтобы уметь сказать обо всем, что дают. Хотел выучить себя как взрослый работать на производстве, а не по-детски предаваться прихотям. Боюсь, у меня и тут получились закрытые красивые коробочки. По крайней мере, их заметили.

* *От фр. petit-maitre* — щеголь, франт. В русской литературе XVIII в. петиметр — сатирический образ вертопраха, рабски следующего французской моде. — Прим. ред.

— **Расскажите об опыте написания сценариев. Давно ли вы замаяхнулись на кино? Нет ли тут романтически-символической подоплеки? Свя-
зано ли это с сокуровским семинаром в Нальчике?**

— К киношникам я не перешел, с Сокуровым, равно как со всеми остальными российскими кинематографистами, не связан. Просто захотелось в сценарии рассказать о современной России при помощи романа американца Росса Макдональда. Я вновь оттолкнулся от чужого слова, перенес действие романа в Россию. Так я сделал очередную красивую закрытую коробочку, без шансов, что она будет открыта. Еще у меня есть две пьесы. Одна — самостоятельная, а вторая — инсценировка «Кавказского пленника» Льва Толстого. Местный театр заказал мне ее. Но когда они увидели, что речь идет о кавказской войне, то испугались и не стали ставить. Снова вышла красивая закрытая коробочка для себя. Есть замыслы двух пьес. Одна фантастическая — новая редакция пьесы, написанной мной в двадцать лет. Другая реалистическая в жанре психологической драмы. А также желание создать большой роман. Вот тут-то скажу свое слово, а не оформлю чужое. Вот только писать я это буду не сейчас, а гораздо позже.

— **Таким образом, всегда, когда хочешь как лучше, получается «закрытая коробочка»?**

— Так оно и есть.

— **Какие важнейшие вопросы вы зададите сами себе?**

— Что будет дальше? Чем все закончится?

— **И как вы на них ответите?**

— Вопросы себе — на то и вопросы себе, что ответы на них неизвестны.

— **Часто ли вы решаете судьбы мира?**

— Всегда. Но внимание санитаров пока не привлек.

— **Что вы читаете сейчас?**

— Шестой номер «Нового мира» за 2023 год. Потом буду читать шестой номер «Знамени» за этот год. На очереди — четыре номера сборника «Неистовый Виссарион», присланные мне организаторами премии вместе с дипломом и призом.

— **Кстати, лютые сборники получились!**

— Я прочитал один из них. Не лютый. Обычный. Но местами небезынтересный.

— **Как вы ухитряетесь лавировать между «патриотами» и «либералами»?**

— Идеология — довольно поверхностный уровень бытия. Я его учитываю, но не более того. Есть глубинные «фигуры социума», создающие идеологию. Вот о них мне интересно думать. Государство и власть, элиты, народ, личность, ищущая себя посреди всего этого и как-то выживающая, самоидентификация личности, ее самосознание, моя нация и другие нации, диаспоры

(в том числе метафизические) — вот о чем мне думается. Идеологические кампании — это тшета. В 1991 году у «патриотов» было принято клеймить Андрея Синявского из-за «Прогулок с Пушкиным». Куняев с Рассадиным из-за Синявского чуть на дуэль не отправились. Сейчас эти «Прогулки» в школе проходят; а в 1993 году Синявский стал союзником «патриотов», осудив расстрел Белого дома. Стоило ли стараться?

«Либералы» не лучше. Как только я помянул «расстрел Белого дома», наверняка озлил кого-то. Ведь рослибы гайдаровского разлива считают те события «спасением России от красно-коричневого фашизма»... Еще в детстве во дворе ребята предлагали играть в «И я тоже»: «Я был в зоопарке — и я тоже». «Я увидел слоненка — и я тоже». «Он был похож на поросенка — ...». Все, кто спешит присоединиться к идеологическому стаду, похожи на тех поросят.

Возьмем хотя бы либерала Егора Тимуровича Гайдара. Его принято проклинать либо восхвалять. А я запомнил описанную им историю из его детства. Он жил на Кубе, и однажды кубинец, друг семьи, повез куда-то его и свою семью. По пути машина заглохла посреди местности, по которой рыскали банды «контрас». Если бы компания (двое мужчин, двое женщин, ребенок плюс два пистолета) попалась бандитам, ее б на ремни порезали. И вдруг Тимур Гайдар говорит сыну: «Ты уже взрослый, защищай женщин и себя», отдает свой пистолет Егорке и уходит с другом-кубинцем в ночь. Мужчины вернулись назад лишь утром. Благо бандиты не появились, и все закончилось благополучно. Я Егора Тимуровича видел и слышал лично. Поэтому понимаю, что случилось с ним в ту ночь. Внук он Аркадия Гайдара или нет, мне неинтересно. Главное — та ночь. Вот так — точно — я воспринимаю жизнь. Что мне идеологии?

— **То есть в ту ночь Гайдар встретился не с «контрас», а с глубинными «фигурами социума»?**

— Ну да. В своем сознании. Поэтому впоследствии воспринимал некоторые базовые «фигуры социума» именно в качестве «контрас».

— **Нужно ли нам больше «разговорной культуры»?**

— Смотря что понимать под «разговорной культурой». Если это стендап-юмористика, то ее и так чересчур. Если это диспуты или иные формы социального самообучения, то это архинужно нам всем.

— **Как вы реагируете на упреки в провинциализме?**

— Этот «праздник» всегда со мной. Лучше на него не реагировать. Однажды я назвал себя «первым стилистом города Майкопа», но эту шутку не поняли. Если я начну объяснять, что в эпоху интернета не может быть провинциализма, меня не поймут тем паче. Как мне, майкопчанину, не прослыть провинциалом? Не понимаю.

— **Много ли вы потребляете медиаконтента?**

— Телевизор, плюс интернет, плюс субботние просмотры прессы. Много.

— **Вы способны отказаться от потребления контента или радикально его ограничить?**

— Разве что под действием внешних ограничителей. Возможно, это разновидность невроза.

— **Аристотель сказал: «Известное известно немногим». Перепроизводство смыслов уравнивает и маргинализует и Христа, и Битлз, и Роллинг Стоунз?**

— Это так. Просто в некоторых случаях происходит качественный скачок, и нечто не маргинализуется и не омасскультурируется. Например, известный филолог Михаил Гаспаров для нашего времени не маргинал и не масскультуровая фигура. В отличие от журналиста Филиппа Бахтина. Один мой майкопский приятель часто, после того как выматерится, приговаривает: «Ах! Бахтин-шалун!» По отношению к Гаспарову такие слова невозможны.

— **Вы писали о гомеопатической пользе архаики. Сколько «вешать в граммах»?**

— Пока мы понимаем, что имеем дело с архаикой и используем ее в своих целях, все в порядке. Но как только начинаем принимать архаику за реальность, становимся орудием архаики и падаем в бездну.

Я делю людей на две категории. На тех, кто читал либо прочтет когда-нибудь «Культуру и взрыв» Лотмана, и тех, кто не ее прочтет никогда. Ибо для последних все сказано «планом Даллеса». Я сопоставляю два этих культурологических явления потому, что они оба пытаются ответить на вопрос: «Отчего в мире происходит так, а не иначе?» «Планодаллесовцев» я презираю. Хотя и Лотман страдал мифоавтопроецированием. В финале «Сотворения Карамзина», там, где Лотман пишет, что умеренного западника Карамзина ненавидели и мракобесы, и радикалы-революционеры, он позиционирует себя отдельно от коммунистов и диссидентов. Но он, наверное, это осознавал, а адепты «плана Даллеса» даже не хотят знать, откуда сие чудо явилось на свет. Хотя им это говорили тысячу раз.

— **Правильно ли я понимаю, что «план Даллеса» не исключает Лотмана, а Лотман — «план Даллеса»? Можно увязать одно с другим?**

— Увязка очевидна: Лотман объясняет «план Даллеса». А «план Даллеса» объясняет Лотмана. Вопрос в том, кто кого объяснит быстрее.

— **Относите ли вы к новому романтизму пирожки (популярная форма иронических стихов) и поп-психологию?**

— Пирожки — однозначно нет. Это фольклор наших дней, а фольклор не может быть отнесен к романтизму. Что подразумевается под «поп-психологией» в данном контексте, я не знаю, но все жанры массовой литературы были созданы романтизмом. Дюма-отец, Эжен Сю, Поль де Кок — все романтики. Равно как Бестужев-Марлинский с Загоскиным, Сенковским и Вельтманом. Фэнтези тоже создали не одни поздние неоромантики с прерафаэлитами, но и собственно романтики. Кольридж прежде всего.

— **Можно ли типологизировать ваше деление «игроков и игроломов» как «львов и лис»? Есть ли у вас единая типология «ежей и лис», «акул и крыс», «енотов и рыбешек»?**

— Мое деление на «игроков и игроломов» казуально. Я применил его к ситуации с судьбой Василия Аксенова. Из помянутых типологий мне знакома только типология «ежей и лис». Достаточно того, что я озвучил типологии «эсеров и эсдеков» и «лотманистов — планодаллесовцев».

Лучше расскажу притчу про кота и лисицу. Однажды лисица спросила кота: «Что ты будешь делать, если на тебя нападут собаки?» Кот ответил: «Залезу на дерево». — «Фу, как ты примитивен! У меня тысячи уловок. А у тебя только “залезу на дерево”».

И тут появились собаки. Лисица все думала, какую уловку применить; пока думала, собаки ее разорвали. А кот залез на дерево.

— **Назовите политтехнологов от поэзии.**

— Все нынешние популярные стихотворцы — политтехнологи от поэзии. Не политтехнолог тот, кто не популярен и не хочет быть популярным.

— **Не кажется ли вам, что «детерминированность ньюэйдж-персонажей кармическим телом и тонкими энергиями», хотя и превращенное понимание, но все-таки постижение реального положения дел?**

— Да, это так. Любое понимание — это в какой-то степени понимание реального положения дел. Предрассудок — это обломок давней правды. Беда в том, что все эти превращенности пролезли в политику. Они влияют на нашу жизнь, и непонятно, что нам со всем этим делать, чтобы выжить.

— **Как вы оцениваете мотивацию современных студентов?**

— Не знаю, как ее оценивать. Студенты, которые посещают мои занятия, вяловаты. А те, которые живо интересуются современной культурой, склонны к отлыниванию, будучи увлеченными чем-то посторонним. Например, рок-творчеством.

— **Как нам реорганизовать образование? Что делать с ЕГЭ?**

— Выкинуть и забыть, как страшный сон. Образование — это не угадайка. Снова ввести вступительные экзамены в вузы с комиссией из вузовских преподавателей. Если кто-то увидит опасность преподавателя-взяточника, скажу, что школьный учитель-взяточник и чиновник-взяточник — гораздо худшие образы.

Сейчас высшее гуманитарное образование нужно не для получения информации. Мы живем в интернет-эпоху, когда любую информацию можно добыть за две секунды. Образование нужно, чтобы научиться думать. А научить думать «угадайщика» очень трудно. Есть голливудский фильм про крестина Шонси, который всю жизнь провел у экрана телевизора. Когда Шонси вышел на улицу и встретил хулиганов, он вытащил из кармана телевизионный пульт и стал жать на кнопку, чтобы «канал переключился». Так и «жертвы ЕГЭ», сталкиваясь с проблемами, они выбирают технологические ходы, принесшие успех год или сто лет назад. Но как сказал Леонид Мартынов о поющем человеке: «Это же не громкоговоритель, выключить нельзя».

— **Кирилл Николаевич, вы платоник и гегельянец?.. Почему не марксист?**

— Я считаю марксизм ошибочной теорией. Маркс полагал, что духовные проблемы человека вызваны несовершенными экономическими отношениями. Советская практика показала отсутствие связи между первым и вторым. Особенно наглядно это выявилось в тихие семидесятые годы. Было создано общество, в котором не было частной собственности на средства производства. Вроде бы для всех удобно и побуждает к учебе и творчеству. Но советские люди в качестве эквивалента богатства стали использовать моральные достижения. Тут-то, как при капитализме, полезли наружу и эксплуатация, отчуждение и насилие. Очень хорошо это показано в прозе Юрия Трифонова. Да я и сам это видел — чай прожил в советской стране двадцать лет. Советская модель оказалась нежизнеспособной либо ненормальной. Имела место обратная взаимосвязь: чем больше советская система нормализовалась, тем менее жизнеспособной становилась. И наоборот: чем сильнее укреплялась, тем сильнее аномализировалась. Даже народничество с его «гениями и толпой» куда более адекватно по сравнению с марксизмом. Марксизм — одна из ошибок в истории мысли.

— Как соотносятся мифомодернизм и метамодерн?

— Что такое «метамодерн», не понимаю. Я знаю, что такое модерн и постмодерн. Модерн был связан с мифологическим мышлением и реабилитировал его. Постмодерн чаще невольно, но тоже торит дорогу мифу. Нельзя мнить, что в Амстердаме, в Вашингтоне и на Гоа (где весело) постмодернизм и конец истории, а в Грозном, в Эр-Рияде и в Урюпинске (где серьезно) ничего подобного. Нет, ребята, если постмодерн, то везде, только в разных формах. И конец истории один на всех. Есть точный термин — «постмодерноархаика». Вторая часть этого термина («архаика») представляется мне более значительной, нежели первая («постмодерн»). Постмодерн в итоге дает архаику.

— **Превращение Виссариона Белинского в премию «Неистовый Виссарион» — это тоже часть мифогонного процесса? Не становятся ли лауреаты НВ «виссариончиками»?**

— Вспоминается диалог из какого-то детектива. «Ах ты, моя лягушечка», — сказал он с умилением. — «Почему я лягушечка?» — «Да потому что допрыгалась». Вот и Белинский допрыгался до премии имени себя.

Среди лауреатов премии «Неистовый Виссарион» нет ни одного Бродского или Мандельштама. Это дает надежду на то, что не все Виссарионовичи — Иосифы.

— **«Ушко иглы» у Кузнецова очень мощный образ. Не отсылает ли он к концепту «бутылочное горлышко», через которое проходит человечество? В духе катастрофы бронзового века.**

— Об «ушке иглы» у Кузнецова и Йейтса думал, о «бутылочном горлышке» думал. Эти две темы не совмещал.

— **Трудно войти богатому в Царствие Небесное, верблюду в игольное ушко и человечеству сквозь бутылочное горлышко. Не кажется ли вам, что сейчас готовится транзит человечества сквозь бутылочное горлышко?**

— Может, и готовится. Но осуществиться сможет только стихийно. Это объективная проблема любой цивилизации. На определенном этапе техническое развитие цивилизации обгоняет духовное состояние ее индивидов, что приводит к ее самоуничтожению. Чтобы человечество могло этого избежать, ему был послан Христос. Ныне самоуничтожение человечества возможно не в тотальной, но в частичной форме. Это и есть «бутылочное горлышко».

— **Действительно ли «остойчивый» (способный противостоять внешним силам) Майкоп — город интеллектуалов?**

— Действительно. Таковым он был и до революции 1917 года (смотрите дневники Евгения Шварца). В противовес аулам и станицам Майкоп задумывался как «город фронта». Однажды Женья Шварц поехал к родственникам матери. Он написал в дневнике: «Из Майкопа, из города, обыватели которого казаков обзывали куркулями, черкесов — азиатами, русских — кацапами, а украинцев — хохлами, попал я вдруг после большого промежутка времени — года два я там не был — в настоящую Россию, в город Жиздру». Знакомо по всем «городам фронта». Такие локусы созданы для интеллектуалов.

— **То есть без «фронта» не может быть интеллектуала?**

— В общем, да. В отличие от интеллигента — «человека этики», интеллектуал — «человек логики». В отличие от искусственной, созданной людьми этики логика естественна. Поэтому логика неотделима от «чувства фронта». Человек в природе — «человек фронта». Быть вне фронта — значит пребывать в искусственной реальности. Подобно советскому человеку или среднетипичному современному западному человеку.

Вот я прогуливаюсь по березовой аллее рядом с домом. Вокруг меня городская цивилизация: магазины, парикмахерские, кафе, банки. И, в принципе, всё — для меня. Например, березы для аллеи специально перевезли из леса и высадили. Иногда в нашей аллее вырастают хорошие грибы — сыроежки и моховики. Хотя грибы, выросшие в городской черте, я не употребляю, они тоже автоматически воспринимаются как для меня. Однажды иду и вижу — вырос мухомор. Вот он точно не для меня. Когда я понимаю, что и сыроежки с моховиками (в отличие от магазинов, парикмахерских, кафе, банков) тоже не для меня, я из интеллигента превращаюсь в интеллектуала.

— **Чем «торговый» либерализм отличается от «интеллигентского»?**

— Всякий торговец — либерал по определению. Без свободы торговать невозможно. Но либерал-торговец начинает с единого эквивалента, а либерал-интеллигент — с образа свободы. Иногда интеллигентские образы свободы могут включать в себя элементы, не имеющие ничего общего со свободой. Что взять с образа? Это ведь фантом.

— **Попробую дополнить. Для современного человека свобода выражается во всеобщем эквиваленте, а свобода без всеобщего эквивалента — это химера. Достоевский писал об этом в «Зимних заметках о летних впечатлениях».**

— Это так. Однако эквивалент может быть как всемирным, так и локальным. У интеллигентов он чаще всего на одного человека — себя. В лучшем случае — на компанию.

— Полагаете, именно стремление все упростить привело к тому, что все переплелось? Как выйти из этого парадокса? Гомеопатией архаики или иначе?

— Именно так. А о том, как выйти, писал Александр Блок в дневнике 6—7 августа 1917 года. Это было между двух революций, когда Блок работал в Комиссии по расследованию преступлений царского режима.

Желто-бурые клубы дыма уже подходят к деревьям, широкими полосами вспыхивают кусты и травы, а дождя бог не посылает, и хлеба нет, и то, что есть, сгорит.

Такие же желто-бурые клубы, за которыми — тление и горение (как под Парголовым и Шуваловым, отчего по ночам весь город всегда окутан гарью), стелются в миллионах душ, — пламя вражды, дикости, татарщины, злобы, унижения, забитости, недоверия, мести — то там, то здесь вспыхивает; русский большевизм гуляет, а дождя нет, и бог не посылает его!

Боже, в какой мы страшной зависимости от Твоего хлеба! Мы не боролись с Тобой, наше «древнее благочестие» надолго заслонило от нас промышленный путь; Твой Промысл был для нас больше нашего промысла. Но шли годы, и мы развратились иначе, мы остались безвольными, и вот теперь мы забыли и Твой Промысл, а своего промысла у нас по-прежнему нет, и мы зависим от колосьев, которые Ты можешь смять грозой, истоптать засухой и сжечь. Грозный Лик Твой, такой, как на древней иконе, теперь неумолим перед нами!

И вот задача русской культуры — направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки и Емельки превратить в волевую музыкальную волну; поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напор огня, но организуют этот напор; организовать буйную волю; ленивое тление, в котором тоже таится возможность вспышки буйства, направить в распутинские углы души, и там раздуть его в костер до неба, чтобы сгорела хитрая, ленивая, рабская похоть.

Достаточно заменить «большевизм» на «мифизм» — и вот она, программа. Но ставить преграды (лепить из пламени) должны те, кто читал Лотмана.

— Готовы ли вы к смерти языка?

— Язык не может умереть. Язык есть даже у ворон. Возможна иная опасность — человеческий язык может потерять Логос, выродиться до вороньего. Тогда люди перестанут понимать друг друга. Точнее, они смогут понимать только эмоции, преимущественно негативные. Как у Вагинова: «В аду прекрасные селенья / И души не мертвы. / Но бестолковому движенью / Они обречены. / Они хотят обнять друг друга, / Поговорить... / Но вместо ласк — посмотрят тупо / И ну грубить».

Чтобы предотвратить это, нужны люди, чуткие на базовые конфликты бытия. Стало быть, и я пригожусь.

— Боюсь, что «Архипелаг Google» заточен ликвидировать Логос на корню, оставив только эмоции.

— Google — лишь инструмент получения информации. Как книга. Он не может ликвидировать Логос. Логосу угрожает человеческая лень.

— **Попытаюсь развить вашу мысль. У «получателя информации» в данном контексте есть иллюзия, что это он выбирает информацию. На самом деле нет. Лень и Google — близнецы-братья.**

— Можно сказать, что лень и газета — близнецы-братья. Или что лень и ТАСС — близнецы-братья. Но ведь это не так. Если есть стихия (а информация — это стихия), значит, надо умело и разумно жить в ней, а не поддаваться ей. «Греби, товарищ! В мире молний необходимо быть гребцом» (В. Соснора). Вот и в мире Google необходимо быть гребцом.

— **Возможно ли приобретение полезных навыков помимо Логоса? Кажется, в Средние века так и было...**

— Не совсем понимаю, о чем речь. Какие практики имеются в виду? Логос, помимо всего прочего, одно из имен Бога. Получать полезные навыки помимо Логоса (по крайней мере, в христианском метакультурном поле) опасно, да и невозможно. Может быть, это возможно в буддийском или в шаманском поле. Но европейские (и византийско-русские) Средние века — это христианство. Даже пресловутые «нетварные энергии» Григория Паламы — не помимо Логоса.

— **Я имел в виду обучение через пример и подражание. Минуй слово.**

— Это как в гимнастическом зале с тренером? Все равно без слов не обойтись. Для меня ад — это мир, лишенный Логоса (и вообще знаков). Я живу нормальной человеческой жизнью, достиг чего-то, меня уважают — и все это благодаря Логосу. А теперь представьте, что вы родились зайчонком, прожили минуту и наткнулись на волка или сову. Ни Логоса, ни знаковых систем, ни смысла — вообще ничего. Логос — это дар нам, поэтому нам надо ценить его...

